

12+

Nova Totius
TERRARUM
ORBIS
TABULA
ex officina G. a Schagen
Amstelredami

Илья Кораблев
Дело малика

Илья Игоревич Кораблев

Дело малика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67841589

SelfPub; 2022

Аннотация

Синармас-Балесаб – так называется мир, о котором пойдёт речь. Разделённый Тьяматом, большим море, на Южный и Северный континенты, он переживает эпоху стремительного развития торговли, науки, искусства и философии.

В центре внимания – Амельраб, тиран Белых Фив, богатейшего города известного мира. Дабы собрать древний, великий текст, священный для всех хеттов, он обращается к помощи Фалеса, мудрейшего человека эпохи. Однако тот не собирается помогать просто так...

Илья Кораблев

Дело малика

– ...Итак, как вы смотрите на моё предложение? – обратился посол Лилльу к своему высокопоставленному собеседнику, который, однако, последние десять минут практически не слушал его.

Он шёл вместе со знатным мужчиной, одетым в белоснежный хитон, опоясанный пурпурным поясом. Он шёл, приглаживая себя за бороду, над которой, надо заметить, работал искусный брадобрей буквально за час до проходившего разговора, чему мужчина, можно было понять, был очень рад: в его родине очень ценилось, когда борода украшала, а не уродовала лик мужчины, придавая ему образ мудрый, а не свирепый и безумный.

– Разумеется, я соглашаюсь с ним, – учтиво улыбаясь, ответил он, – однако вы так и не сказали, к какому сроку должны будут прибыть первые пентеконторы.

Они шли по длинному коридору, выйдя из общей трапезной; в это время слуги уже начали уборку, настоятельно прося всех удалиться по своим делам. Как мужчина, так и Лилльу желали уйти в собственные комнаты, однако перед этим желали закончить с некоторыми общими вопросами дипломатического порядка. И они не терпели отлагательств.

– Ах! – воскликнул несколько растерявшийся посол, ко-

торый, однако, очень быстро нашёл формулу, которую он обычно использует в неприятных дипломатических ситуациях, выход из которых туманен, но и прибывание в коих вызывает ступор и несчастье, – как вы понимаете, вопрос торговли, как и выгодоприобретения – вопрос общегражданский и требует более детальной проработки в том числе и со стороны нашего криатона. Если вы готовы закрепить предварительные соглашения в письменном виде, то с ближайшими кораблями я... мы отправим доверенных лиц. Самое крайнее – через два месяца м...мы будем в состоянии заключить окончательный договор.

– Вы так оптимистичны! – рассмеялся мужчина, – но почему вы уверены, что через два месяца вы вернётесь в наши палаты?

Лилльу опешил, на секунду даже остановившись, растерянно вглядываясь в лицо собеседника.

– Простите...? – на секунду Лилльу решил, что ему только что угрожали.

– Разве вы не слышали о том, что в Фивах опасные воды? – с большим удовольствием спросил мужчина. Лицом при этом он был похож на кота, приученного к ласке и игре.

– Мне казалось, что ваша обязанность – защищать гостей из других полисов, – дипломат всё ещё не до конца понимал, что же задумал его собеседник, человек, безусловно, могущественный.

– Безусловно, я с большим удовольствием прослежу, что-

бы в прибрежных водах нашим друзьям и братьям из Дарии ничего не угрожало. Или, по крайней мере, чтобы они не остались в своей беде в одиночестве, – подмигнул мужчина, – по крайней мере, наши воины будут готовы отдать за вас жизнь, если то понадобится. Однако вы, как человек в богоугодных делах опытный, должны понимать, что некоторые вещи не подвластны и самому первому из смертных мужей. Кроме божественного закона, который всегда почитался и будет чтим в Фивах, существует и закон естественный, если угодно – натуральный. К чему же это я? – вдруг задал вопрос, на который Лилльу так и не нашёл, что ответить, —вы слышали про наших учёных-мамуалистов? Наверняка слышали! Народ нравственный, хоть и иногда строптивый. Недавно мне довелось услышать их смелое предположение, которое выдвигал один старец на их учтивом собрании: они решили связать известные случаи массовых трагедий в наших берегах не только с божественными капризами, но и подводными течениями, которые, в результате известных перепадов давлений, сжимают и топят проходящие конторы. Боюсь, я с их воззрениями ознакомился вскользь, но мне кажется, что в этих вещах что-то есть!

Лилльу задумался, примеряясь с тем, насколько всерьёз его собеседник всё это рассказывал. А главное – с какой целью?

– Как я знаю, основатель вашей... учёной организации – известный смутьян и строптивец. В Дарии о нём существует

мнение как о человеке, проклятом богами.

– К сожалению, в этом вопросе мы с вами не можем согласиться, – так учтиво, как только умел, снисходительно улыбнулся мужчина, – он оказался крайне полезен нашему полису, и мы бы желали отнестись к его воззрениям... с терпением. Поэтому и вас просим отнестись к нему с пониманием.

Лилльу не стал ничего говорить. Посол и мужчина аккуратно подошли к лестнице, ведущей на второй этаж. Именно там располагались посольские комнаты, в одной из которых и располагался Лилльу.

– Скажите, господин Лилльу, – обратился к нему мужчина с неожиданно мягкой интонацией в голосе, – неужели вы собираетесь вскоре нас покинуть?

Он прищурился, будто недовольный этим вопросом.

– Почему вы так думаете?

– Кажется, вы об этом хотели сказать сами, – просто и с некоторым вкусом ответил мужчина.

Лилльу не поверил ему, однако не увидел в этом вопросе ничего подозрительного.

– Есть вероятность... Мне пришла информация от моих друзей и брата, посетившего меня две недели назад на торговом суде, что криатон нашего полиса рассматривает мою кандидатуру на более высокий пост. Если этот слух окажется правдой, то, боюсь...

– Наверное, это повышение связано с нашими договорённостями? – мягко улыбнулся мужчина.

Лилльу не нашёл, что ответить. Лишь неловко улыбнулся, чувствуя, что он будто пойман на месте преступления, хотя преступления в его достижениях, безусловно, не было.

– Что же, тогда я буду надеяться, что ваша роль в укреплении дружбы между нашими полисами будет оценена по достоинству гражданами Дарии. До вечера, господин Лилльу!

– До встречи, господин Амельраб! – поклонился посол, несколько выдохнув, и направился на второй этаж.

Амельраб, нежно поглаживая свои густые усы, несколько секунд наблюдал, как представитель иностранного полиса направляется в свои покои. Наконец, потеряв его из виду, он отвернулся и отворил дверь, за которой находились его личные помещения.

О помещениях во множественном числе было сказано неспроста – Амельраб занимал сразу несколько связанных друг с другом комнат. При прошлом правлении Белых Фив здесь располагалась целая финансовая коллегия; теперь их занял всего лишь один человек, занимавший скромный пост советника базилевса – малика, хотя он, однако, ни на секунду не скрывал своей настоящей роли в управлении полисом. Амельраб использовал свои личные покои для более... неформального обсуждения вопросов государственной важности. Именно сюда, а не в главные общественные городские палаты, приходят фесмофеты и казначеи, когда необходимо

переговорить о новых сборах или подозрительном оскудении казны; именно к Амельрабу приходили стратеги, когда необходимо было решить вопросы о закупке нового вооружения и подготовке новых фаланг ополченцев; эревнисты, отвечающие за изучение прибрежных территорий вокруг полиса, куда чаще рассказывали о несчастьях, связанных с нападением на колонистов, лично малику, а не общему гражданскому собранию; торговцы «благодарили» за успехи в своих путешествиях в южные земли не только Богов, но и лично государственного советника (тем более, что он действительно всячески «помогал» им).

Любому иностранцу было достаточно одного малого взгляда на общественное устройство Белых Фив, чтобы понять, что с ним что-то не так. Любой, кто сталкивался с устройством демократического полиса, очень быстро бы заметил, что все ниточки управления чересчур подозрительно сходятся в одно место, практически – в одни руки. И вроде бы всё идёт, как раньше: всё также собираются народные собрания, всё также функционирует ареопаг, и всё также происходит переизбрание архонтов. Однако власть, которой располагает советник базилевса, всячески удивляла неподготовленного зрителя. Это особенно удивляет, если учесть, что Амельраб, вразрез с общей традицией своего полиса, занимал пост малика уже третий год, и вот уже третий человек на посту верховного жреца Фив не просто терпит его, но из раза в раз проявляет к нему особое, какое-то чересчур сер-

дечное отношение.

Тем более становилось странно, если исследователь этой странной организации начинал искать сходства между всеми архонтами, всеми двадцатью семью людьми всех трёх составов. Все они были плотно связаны друг с другом мириадой связей, профессионального, имущественного и даже семейного порядка. Большая часть из них – представители аристократического рода Дис-Элью, состоящий из бывших ремесленников и, как не удивительно, пиратов; самого молодого, долгое время наиболее жалкого и бедного рода; другие же владели одними и теми же ремесленными мастерскими и торговыми лавками, получали имущественные права на одни и те же городские районы, практически контролируя огромные массы фивских метеков; в конце концов, те или другие из них часто вступали в брачные союзы, образуя практически единую корпорацию, политическую партию. Единственной загадкой во всей этой структуре оказывался, как ни странно, самый подозрительный её член – непосредственно сам Амельраб, ведь он вовсе не был ни аристократом, ни богачом, который был бы способен подкупить слабых и дезорганизованных Дис-Элью. Единственное, чем он особенно выделялся и вызывал среди своих сограждан уважение – репутация исследователя и храброго морехода, который лично проложил несколько маршрутов до южных полисов, находящихся по ту сторону Тьямата, моря-океана, имеющего общее название среди всех хеттов. Всё это было

уже, разумеется, в далёком прошлом, однако заморские полисы всё ещё воспринимали как дипломата, способного проложить путь к согласию и миру между их родинами и могущественными Фивами. Номинально, именно по этой причине он и занимал пост малика; однако в простонародье, ровно как и за закрытыми дверями, люди были куда словоохотливее, давая ему единственную точную характеристику...

...Амельраб сменил свой хитон на просторную тунику. В первой комнате его палат, в которую попадал каждый гость, был расположен огромный, просторный стол, за которым могли поместиться – в случае необходимости, – практически половина управленческого состава полиса. Именно на такие случаи, собственно, он и был рассчитан. Однако Амельраб крайне «настаивал», чтобы рабы всегда держали на нём лёгкие яства, по типу фруктов и сладостей, которые он, собственно, любил. Вот и сейчас он занял место во главе стола, в одиночестве чистя апельсин, поедая его дольку за долькой. Время шло к вечеру, и это значило, что ждать кого-либо по официальным делам – за исключением случаев исключительных и требующих срочного внимания, – не стоило. Однако у Амельраба было, по сути, дело личное, разрешения которого он ждал уже не первый месяц, о котором, однако, сегодня же должна была появиться новая информация.

Целых пятнадцать минут он оставался в полном одиночестве, наслаждаясь тишиной, которую изредка нарушали пение какой-то чудесной девушки, которая, видимо, упраж-

нялась в музыке где-то под окнами. Хоть не без огрехов, но у неё получалось хорошо, отчего Амельраб пребывал в удовольствии, наслаждаясь редкими минутами спокойствия. Тихий стук оповестил его, что дела не заставляют себя ждать.

– Входите! – окрикнул Амельраб, откладывая корки апельсина несколько в сторону.

В дверной проём протиснулся молодой юноша в лёгком вооружении, один из рабов-стражников при дворце ареопага. Амельраб уже видел его несколько раз, и из раза в раз, увидев малика, тот начинал покрываться багрянцем.

– Господин...! – нервно поклонился юноша.

– Да? Что случилось? – вежливо, прекрасно понимая, к чему идёт дело, и оттого еле сдерживая нетерпение, спросил Амельраб.

– К вам пожаловал гость. Говорит, что имеет неотложное дело, требует личной встречи с вами.

– Как его зовут? – приподняв бровь, строго посмотрел на него Амельраб.

– Он назвал себя мудрецом из Алании, Тха... простите, Фалесом... – молодой раб явно пребывал в недоумении, — велите его пропустить?

– Да, и без промедлений! – воскликнул Амельраб, указывая стражнику пальцем на дверь.

Тот вновь поклонился и поспешил удалиться, явно стараясь исполнить приказ Амельраба как можно скорее. Тот же

почувствовал, как к горлу поступает... волнение. Какой уже раз, но он вновь чувствовал себя школяром, мнущимся при одном только взгляде учителя.

Наконец, через несколько десятков секунд в дверь постучали вновь, однако на этот раз, не дожидаясь ответа, внутрь прошёл крепкий старик, медленно закрывая за собой дверь.

Фалес не был похож на стариков, такими, какими вы видите их в обычные дни, основывая своё впечатление на тех примерах, которые окружают вас и кажутся типичными. Говоря откровенно, следует признать, что, не будет он сед, то вы бы подумали, что перед вами мужчина средних лет, в пору своей наибольшей силы и статности. Даже морщины на его лице, ровно как и мускулы, будто сохранили тот же вид, который они имели во времена его сорокалетия, придавая ему особый, атлетический вид. Кажется, что он был готов хоть сейчас, как двадцать-тридцать лет назад, взять копье с щитом и отправиться в военный поход, организованный всеми гражданами его сообщества. Даже несмотря на то, что он, хоть и не лишившись жизненных сил, но потерял свою родину.

– Иногда я удивляюсь, как тяжело до тебя добраться, Амелраб, – без каких-либо обращений и околичностей, прищурившись, проговорил Фалес, – будто ты боишься всего остального мира.

– Немудрено, – улыбнулся он, жестом указывая старцу на кресло по правую руку от себя, – знаешь, иногда бывают слу-

чай, когда жизнь человека начинает стоять больше, чем жизни целого сообщества людей. И тогда долг сообщества – защитить её.

– Знаю, – согласился Фалес, – и я надеюсь, ты не думаешь, что это относится к тебе.

Фалес присел за кресло, смотря прямо на Амельраба. Тот даже глазом не моргнул, сохраняя одно и то же спокойное выражение лица.

– Как бы то ни было, ты добрался до меня. Это значит, что что-то тебя подняло с постели и отвлекло от твоих учеников. Тебе есть, что рассказать мне?

– Только то, что ты и так хотел услышать, – кивнул Фалес, облокотившись о стол, прижав свою голову к ладони, не отрывая взгляда от Амельраба, – несмотря на то, что я не рассказал тебе ещё очень многое, ты всегда хочешь услышать только одно, Амельраб.

– Я был бы рад услышать от тебя многое, мудрец Фалес. Только, боюсь, для этого мне не хватит проницательности, – попытался, в немного шуточной манере, скрыть уязвлённое самолюбие Амельраб.

– Ты допускаешь существование своего порока. Похвально, – слабо улыбнулся Фалес, из-за чего его лицо приобрело несколько неуютный вид, — даже удивительно. Обычно при разговоре раба и господина ни одна из сторон до таких учтивостей не доходит. Но ближе к делу.

Фалес несколько сменил позу, убрал руку со стола и сло-

жив обе ладони на своих коленях.

– Неделю назад из Эшмира прибыли мои ученики. С собой они, как мы ожидали, привезли множество записей. Они нашли целую коллегия аэдов, которые собирали различные учения и поэмы, передававшиеся из поколения в поколенья. Среди них, разумеется, были некоторые сюжеты, которые мы с тобой обсуждали. Как старые, так и ряд совершенно новых. Подозреваю, что это – те самые последние кусочки мозаики, которых нам не хватало.

Амельраб внимательно слушал Фалеса, не желая его перебивать. Однако в эту секунду он взял паузу, видимо, давая слово малику.

– И что же? Ты их уже обработал и принёс сюда?

– Разве я пришёл сюда с какими-то записями? Всему своё время, Амельраб. Иногда ты настолько же нетерпелив, насколько добр. Я возьму несколько твоих фиников? – спросил Фалес, указывая рукой на одну из чаш на столе.

– Всё в твоём распоряжении, – с пренебрежением к такому вопросу (о каких финиках вообще может идти речь сейчас?) кивнул малик.

– Благодарю, – Фалес взял несколько фруктов, начав сходу пережёвывать один из них, – говоря начистоту, я бы хотел сейчас попробовать апельсин, но у меня нет ни времени, ни сил его чистить.

– Тьфу! – отмахнулся Амельраб, – продолжай, Фалес.

В этот момент он взял два плода и начал постепенно чи-

стить их ножом. Фалес же продолжил свой рассказ:

– Премного тебе благодарен. Нет, я не обработал эти записи. На самом деле, их собралось слишком много, чтобы можно было обработать их так быстро. По общим подсчётам, мои ученики по обе стороны Тьямата собрали около двухсот песен. Более того – они записаны с совершенно разными тонами и стилистическими особенностями, а также самыми разными наслоениями, которые исказили их изначальную мудрость. Эти песни не представляют единого повествования. Думаю, стилистически несовершенное произведение тебе ни к чему.

Амельраб, кажется, был особенно доволен новостью, уже и не в силах скрывать своего общего удовлетворения:

– Правильно – ни к чему. Ты возьмёшься за обработку поэмы?

– Разумеется. Не сам – в нашей общине есть и более способные литераторы. Я подобрал некоторых из них, наиболее мне близких. Я буду следить за ходом их работы, в соответствии с теми указаниями, которые ты мне дашь.

– Что ж, с этой точки зрения, как я вижу, никаких проблем не предвидится... – несколько неловко улыбнулся Амельраб, подавая один из очищенных апельсинов Фалесу.

– Благодарю, – кивнул тот, – с этой – нет. Самое крайнее – через полгода ты получишь безупречнейший свод героических сказаний, который только составлялся людским родом. Однако, разумеется, я бы не пришёл сюда таким весёлым,

если бы у меня не было несчастных вестей.

Фалес вновь взял паузу, слишком усердно пережёвывая одну из долек апельсина, которая, кажется, ему приносила особое удовольствие своей сочностью.

– Что ты мне хочешь сказать, Фалес? – Амельраб начал как-то слишком сильно хмуриться, видимо, имея некоторые сомнения насчёт сказанного мудрецом.

– Восстановим наш с тобой разговор полугодичной давности. Практически в такой же день ты пригласил меня сюда, на это же самое место, рассказав о своём тайном желании, которое сохранял в глубине души уже многие годы: записать и каталогизировать в единый поэтический свод трагедии и стихи Нимиага. На что я ответил *отказом*.

Амельраб усмехнулся.

– «Мудрость течёт», сказал ты мне. «В затвердевшем виде она больше похожа на ведро, чем на истину». Подобные слова стоит помнить дословно.

– Да, только ты плохо меня понял, ведь я говорил о ковше, а не ведре. Но да, я выступил против твоей идеи, не желая участвовать в издевательстве над древним текстом. Однако мы смогли с тобой *договориться*.

Амельраб кивнул в подтверждение его слов.

– Я вынужден задать вопрос: Амельраб, наши договорённости остаются в силе?

– Почему нет? В обмен за работу над сбором поэм Нимиага я обещал легализовать вашу «учёную» общину. Я не

видел причин для отмены этого соглашения.

– Это прекрасно. Прошу прощения, но мне следовало убедиться, что ты помнишь условия моей помощи. Тогда же, полгода назад, ты просил меня особенно заняться вопросом... родины Нимиага. На что я ответил уклончиво, ещё не имея представления о результатах работы. Что ж, хоть тексты поэм местами расходятся, в описательной своей части они очень похожи у самых разных аэдов, чьи исполнения мы записывали. Судя по всему, мы можем достаточно точно указать, в каких местах жило его племя ещё до начала большого переселения. *К сожалению.*

– Как я понимаю, я потратил собственные богатства ради того, чтобы укрепить авторитет наших врагов? – несколько расстроено, но всё также спокойно заметил Амельраб.

– Если бы, Амельраб, – рассмеялся Фалес, – всё куда горше, а вместе с тем – забавно и поучительно. Семь древнейших полисов хеттов называли Нимиага своим гражданином, как на юге, так и на севере Тьямата. Единственная приятная новость, которая навряд ли походит даже на утешение – Нимиаг жил на севере. Однако это утешение настолько же мало, как мала и наша с тобой земная слава: его племя, судя по всему, изначально жило в Меотиде.

Амельраб опешил от таких новостей.

– Неужто ты всерьёз? Ты уверен в этом?

– По крайней мере я верю в Меотиды больше, чем в версии любого из семи полисов, включая, разумеется, и Белых

Фив. Я был бы рад проверить лично своё предположение, но, во-первых, мне уже нынче не до морских путешествий, а, во-вторых, такое путешествие будет связано с чрезмерными опасностями, которых я сторонюсь.

Фалес в этот момент отправил в рот последнюю из долек апельсина.

– Во всех вариантах поэм Нимиаг описывает болота и леса, в которых, если не гибли сотни тел, то задыхались тысячи душ. Он описывает даже берега, возле которых, по его словам, плескались огромные рыбы стаи, до которых, однако, ни один не мог дойти, не рискуя «им уподобиться». Когда пища в лесах закончилась, Нимиаг и его племя – наверное, их, в таком случае, вполне можно назвать меотами, – были вынуждены сняться с места и отправиться подальше от берегов в глубины континента. Твоих географических познаний должно хватить, чтобы понять, куда именно.

Амельраб действительно был впечатлён словами Фалеса.

– Т.е. варвары, а не хетты, живут вдоль Чангура?

Фалес слабо, практически через силу улыбнулся.

– Именно поэтому я и говорю, что новости не могут тебя порадовать. Я бы даже понял, если бы они вызвали в тебе скорбь.

Амельраб кивнул, постепенно погружаясь в себя.

– Определённо, в таком случае поэмы Нимиага лучше бы не существовало. Она скрепляет хеттов лишь из-за того, что мы видим в ней себя самих, вне зависимости от полиса и

континента. Но если окажется, что мы все заблуждались и переняли эпос ненавистных варваров...

Амельраб откинулся на спинку кресла, задумавшись глубоко и судорожно, как он только умел в самые тяжёлые и важные моменты.

– Я выполню свою часть договора, Фалес, как ты выполнил свою. Однако я вынужден молить тебя об очередной помощи.

Фалес строго посмотрел на малика, взвешивая его слова, явно сравнивая их и обдумывая.

– Я предполагаю, что ты сейчас скажешь. Но я дам тебе слово и не буду додумывать о тебе худшее.

– Ты – величайший из современных мудрецов, Фалес. Возможной, что самый великий, с которым только будет возможно человеческому существу говорить на этой брэнной Земле. Я... Я понимаю, что никто иной во всём свете – исключая Богов, – не сможет выразить слово Нимиага *лучше* Нимиага, чем ты. Нам необходимо признать, что великая мудрость прошлого не может кануть в Лету только из-за сущей случайности, шутки рока, которую нам сейчас придется выдерживать... Готов ли ты изменить некоторые описания Нимиага для... большей исторической точности?

– И эта историческая точность должна будет заключаться в описании бухты Фив? – насмешливо прищурился Фалес.

Амельрабу не нашлось, что ответить. В этот момент мудрец ил Алании оказался даже более прозорлив, чем обычно.

– Я нисколько не удивлён, Амельраб, – рассмеялся Фалес громко и звонко, как он только умел, когда действительно пребывал в хорошем настроении, – этого следовало ожидать. Говоря начистоту, именно это я и ждал от тебя. Такова, говоря откровенно, вся логика твоего мышления.

– И в чем же она заключается? – насторожился Амельраб.

– Твоя логика – это логика тирана, – лаконично бросил Фалес, – готового узурпировать не только власть, но и человеческую память.

Амельраб откинул голову чуть назад, приняв какое-то новое, более резкое выражение лица.

– Ты хочешь оскорбить меня? – сквозь зубы проговорил он.

– Нет, дурия голова. Я лишь хочу, чтобы ты не оскорблял меня, впадая в злость, когда тебе в лицо бросают ту правду, которую ты не желаешь слышать, – в глазах Фалеса, и без того уверенных и даже отчасти отливающих железом, загорелся какой-то особый, нездоровый огонёк.

...Амельраб вдруг почувствовал себя как-то нехорошо. По его лбу, несмотря на поздник час и общую прохладу, вдруг покатился каплей за каплей пот, который очень быстро начал попадать ему в глаза. Он вдруг почувствовал какой-то особый, чисто животный страх.

– Что...? – неуверенно выдохнул он.

Фалес посмотрел ему за спину и начал кивать головой, будто указывая ему, куда стоит взглянуть.

...И Амельраб увидел за своей спиной совершенно особое зрелище, ни с чем не сравнимое. На фоне его стен, покрытых тонким слоем золота и серебра, он мог отчётливо увидеть плоскость абсолютно сухого, искрящегося от перенапряжения воздуха, который будто полностью лишился своей жизни и своего основания. Будто какая-то чудесная сила, недоступная его пониманию, вытолкнула из небольшого участка пространства всю влагу, весь воздух, который только в нём находился. Будто само пространство решило покинуть своё место и отошло куда-то в сторону. Он растерянно взглянул на Фалеса, который в этот момент лукаво улыбался.

– Не зли меня, Амельраб. В мире существуют силы, которые в состоянии пересилить любую мощь узурпатора. Помни об этом.

В этот момент странное наваждение закончилось, и Амельраб практически кожей почувствовал облегчение.

– Я занимаюсь разными науками, – закончил Фалес, – и не только корабельными.

Амельраб кивнул, собираясь подключить свои дипломатические умения для завершения этого неудачного разговора.

– ...Я принимаю твоё предложение. При выполнении собственных условий.

Амельраб практически лишился дара речи от удивления.
– Мудрый Фалес готов извратить вековую мудрость? Какими богатствами какого золота я смогу купить его волю?

– Самыми пустяковыми. Я и вправду неплохо знаю жизнь, Амельраб, поэтому я хорошо усвоил один урок, связанный с общением с большими мужами великих полисов – никогда не додумывать за ними. И я знаю, что, предлагая мне независимость, ты не лгал. И я этим не могу удовлетвориться.

Амельраб вопросительно взглянул на него.

– Я желаю защиты, малик. Ты знаешь, что многие люди ненавидят меня и моих учеников, практически желая нам смерти. Дав нам независимость, создай условия, чтобы мы могли продолжать свои исследования природы. Свобода и безопасность – всё, чего я хочу у тебя попросить сверх того, что мы уже получили.

В этот момент – Амельраб отчётливо это почувствовал – Фалес говорил уже не как один-единственный мудрец из далёкого города Алании, из которого его изгнали более пяти лет назад. Он знал, что сейчас в нём заговорил государственный, политический муж, коим он, собственно, всегда оставался, даже вдали от своей родины.

– Я принимаю твоё предложение, Фалес. Оно меня более чем устраивает. Как мне обращаться к твоей общине?

– Называй нас просто – Эллатом. Мы – община, и не более того. И я в ней – не хозяин, но лишь учитель, которого однажды сменит наиболее способный из его учеников.

С этими словами Фалес поднялся, выходя из-за стола.

– Эллат Фалеса, вот оно как... Но как к таким реформам отнесётся народ?

Фалес, подойдя к дверям, лишь пожал плечами.

– Я не знаю, Амельраб. Проблемы демократии меня мало заботят.

Он звучно рассмеялся, уже не сдерживаясь и давая полную волю своему характеру.

– Доброй ночи, господин Амельраб.

– Доброй ночи, мудрец Фалес, – кивнул в его сторону ма-лик, про себя думая, что его шутка о демократии взаправду смешная, пусть об этом никто из граждан Фив никогда и не узнает.